

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 2, pp. 358–367, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-358-367
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 294.3

Буддизм в социально-политической стратегии коммунистической партии Китая

Леонид Евграфович Янгутов¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
 (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, координатор отдела
 0000-0001-7368-0092. E-mail: yanguta@mail.ru

Аннотация. Цель статьи — рассмотреть место и роль буддизма в современной социально-политической стратегии Коммунистической партии Китая. *Результаты.* Показано, что социально-политическая стратегия КПК нацелена на реализацию «китайской мечты», которая подразумевает: построение «социализма с китайской спецификой в новых условиях»; «полное построение среднезажиточного общества»; реализацию проекта «Один пояс — один путь»; выстраивание с другими странами «сообщества единой судьбы человечества»; построение «единого многополярного мира». Официальной идеологией, нацеленной на реализацию стратегии партии, является марксистская философия. В статье раскрыты основные этапы развития марксистской философии в контексте социальной и политической ориентации Китая. Вместе с тем уделяется большое внимание традиционной культуре. Отмечается, что особое значение в реализации идеи «китайской мечты» придается возрождению культурного наследия, важнейшей частью которого являются «три учения» — конфуцианство, даосизм и буддизм, и в этом наследии буддизм имеет большую значимость. Показана модернизация философских и сотериологических принципов буддизма, произошедших в русле новых тенденций в социальной политической жизни Китая. Выявлено, что важное значение в этой модернизации имеет концепция «гуманистического буддизма», выдвинутая одним из лидеров обновленного буддизма Тай Сюем. Показано отношение модернизированного буддизма и коммунистической партии, базирующееся на взаимовыгодной основе. Раскрыто, что философско-мировоззренческие принципы буддизма, его толерантность, миролюбивый настрой составляют огромный потенциал для его использования в социальной и политической стратегии коммунистической партии Китая. Подчеркивается роль буддизма во внешней политике правительства Китая как фактора дипломатии.

Ключевые слова: буддизм, Коммунистическая партия Китая, социально-политическая стратегия, Буддийская ассоциация Китая, гуманизация, гармония, единство, китайская мечта

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00455 «Развитие философской мысли Китая в контексте его современной политической стратегии (конфуцианство, даосизм, буддизм, марксизм)»

Для цитирования: Янгутов Л. Е. Буддизм в социально-политической стратегии коммунистической партии Китая // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 2. С. 358–367. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-358–367

Communist Party of China: Buddhism in Sociopolitical Strategies

Leonid E. Yangutov¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS
(6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Chief Research Associate, Department Coordinator

 0000-0001-7368-0092. E-mail: yanguta@mail.ru

Abstract: *Goals.* The article discusses the place and role of Buddhism in current sociopolitical strategies of China's Communist Party. *Results.* The study shows that the CPC's sociopolitical strategy is aimed at realizing the 'Chinese Dream' which implies scenarios as follows: building of 'Socialism with Chinese characteristics under the new conditions'; 'complete construction of a moderately prosperous society'; implementation of the 'One Belt — One Way' project; establishment of 'a community of shared future for mankind' with other countries; creation of 'a multipolar world'. The official ideology underlying the party's strategy is Marxist philosophy. So, the paper reveals key stages in the development of Marxist philosophy in the context of China's social and political landmarks. At the same time, significant attention is paid to traditional culture. *Conclusions.* The article concludes special importance in realizing the 'Chinese Dream' is given to the revival of cultural heritage essentially based on the 'Three Teachings' – Confucianism, Taoism, and Buddhism. Buddhism is reported to still be of great importance in this heritage. The work gives insight into the modernization of Buddhist philosophical and soteriological principles that emerged in line with China's new sociopolitical trends, and reveals the concept of 'humanistic Buddhism' put forward by Tai Xu, a leader of Renovated Buddhism, proves important enough to this modernization. Thus, the relationship between modernized Buddhism and the Communist Party rest on somewhat mutually beneficial basis: philosophical and worldview principles of Buddhism, its tolerance, and peaceful nature constitute a huge potential for its use in sociopolitical strategies of China's Communist Party. The paper also emphasizes the role of Buddhism in foreign policies as a diplomatic factor of the Chinese government.

Keywords: Buddhism, Communist Party of China, sociopolitical strategy, Buddhist Association of China, humanization, harmony, unity, Chinese Dream

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 19-011-00455 'Development of the Philosophical Thought of China in the Context of Its Modern Political Strategy: Confucianism, Taoism, Buddhism, Marxism'

For citation: Yangutov L. E. Communist Party of China: Buddhism in Sociopolitical Strategies. *Oriental Studies*. 2020; Vol. 13(2): 358–367 (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-358–367

Введение

Сегодня в социально-политической стратегии Коммунистической партии Китая (далее — КПК), нацеленной на реализацию действующего социально-политического курса и лозунга Китайской Народной Республики (далее — КНР) «китайская мечта», большое значение придается традиционному культурному наследию, важнейшей составной частью которого являются три учения («сань цзяо, 三教») — конфуциан-

ство, даосизм и буддизм. Одним из условий реализации «китайской мечты» считается возрождение этого наследия [Bell 2016: 78].

Идея «китайской мечты» («Чжунгомэн, 中国梦») была озвучена председателем КНР, генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпином в 2012 г. Она прозвучала и на последнем XIX съезде КПК. Сегодня эта идея стала доминантой социально-политической стратегии Коммунистической партии Китая. По словам Си Цзиньпина, «ки-

тайская мечта — это мечта нации и это мечта каждого китайца» [Макэсы чжуи 2013: 173]. В контексте этой идеи проводится линия КПК, нацеленная на построение «социализма с китайской спецификой в новых условиях», которая подразумевает «полное построение среднезажиточного общества» («Сяоканшэхуй, 小康社会»), реализацию проекта «Один пояс — один путь», выстраивание с другими странами «сообщества единой судьбы человечества», построение «единого многополярного мира».

Нынешний курс КПК не является новым стратегическим поворотом линии китайской компартии — это логическое продолжение той стратегии, которая была намечена Дэн Сяопином, объявившим политику «реформ и открытости» («Гай гэ кайфан, 改革开放»), предполагающую в условиях рыночной экономики расширение социальной базы партии. Продолжая линию Дэн Сяопина, его преемник Цзянь Цзэминь сформулировал доктрину о «тройном представительстве» («Саньгэ дайбяо чжуняо сысян, 三个代表重要思想»), согласно которой компартия должна представлять интересы не только трудящихся, но также интеллигенции и представителей бизнеса. По сути это был поворот от классовых интересов к интересам человека — личности. Конечной целью социалистических реформ объявлялся человек, его освобождение и всестороннее развитие (см.: [Шаосинь, Сяюнь 2003]).

В русле этих идей предшественник Си Цзиньпина на посту генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао выдвинул идею построения «гармоничного мира», которую он озвучил в 2005 г. на Афро-азиатском форуме в Джакарте, а также на саммите, посвященном 60-летию со дня основания ООН. «Китайская мечта» Си Цзиньпина — это завершающий этап начатого Дэн Сяопином курса, определяющего социально-политическое, экономическое и культурное развитие Китая.

Отношение коммунистической партии Китая к буддизму рассматривалось в ряде отечественных исследований: [Кузнецов 2006а; Кузнецов 2006б: 25–29; Афонина, Петровский 2015: 135–144; Горбунова 2013: 399–405; Нагулаева 2018: 239–262; Нагулаева 2015а: 103–106 и др.].

В западной литературе эта проблема рассматривалась в таких работах, как:

[Welch 1972; Ji Zhe 2013: 35–58; Lambert 2001: 121–129; Angelskår: 5; Hunter 1992: 20–23 и др.].

Цель данной статьи — рассмотреть место и роль буддизма в современной социально-политической стратегии Коммунистической партии Китая в контексте реализации «китайской мечты».

Основная часть

Официальной идеологией, нацеленной на разработку теории построения социализма с китайской спецификой, является марксизм. В докладе Си Цзиньпина на последнем съезде КПК было сказано, что, «продолжая руководствоваться марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина, важными идеями тройного представительства и научной концепцией развития, неустанно раскрепощая сознание, реалистически подходя к делу, шагая в ногу со временем, стремясь к истине и по-деловому работая, неизменно придерживаясь диалектического и исторического материализма, в тесной увязке с новыми условиями эпохи и требованиями практики и обладая совершенно новым кругозором, партия углубила знание закономерностей отправления власти компартией, закономерностей строительства социализма и закономерностей развития человеческого общества. После проведения сложных теоретических изысканий были получены важные результаты теоретических инноваций и сформированы идеи о социализме с китайской спецификой новой эпохи» [Си Цзиньпин 2017].

Здесь же сказано о том, что «Идеи о социализме с китайской спецификой новой эпохи являют собой продолжение и развитие марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна, теории Дэн Сяопина, важных идей тройного представительства и научной концепции развития, новейшее достижение китаизации марксизма» [Си Цзиньпин 2017].

Развитие марксистской мысли в Китае на протяжении всей истории её развития соответствовало всем этапам социально-политической стратегии партии. Сегодня китаизированный марксизм, не отрекаясь от принципов диалектического и исторического материализма, делает упор на исследовании человека как субъекта исторического развития общества, утверждая принципы гуманизма в качестве идеологического

приоритета. Выдвигается тезис о признании «человека в качестве основы развития» («И жэньвэйбэн, 以人为本»). Этот тезис подразумевает, что «развитие должно осуществляться для человека и с опорой на человека, а также должно быть всесторонним, согласованным и длительным» [Янгутов, Чебунин 2018: 185].

При этом концепция гармоничного общества, выдвинутая Ху Цзинтао, не исключала важность социальных ориентиров и ценностей, необходимости развития демократии и законности. Она утверждала справедливость, честность, дружбу, стабильность и порядок. Большая значимость придавалась гармоничному сосуществованию человека и природной среды (см.: [Янгутов, Чебунин 2018: 186]).

Эти положения обрели философское обоснование в трудах современных китайских марксистов Фу Чжипина, Ма Кая, Юй Уцзиня, Ян Синьли, Тянь Юаня и др. (см. [Фу Чжипин 2005; Кэсюе фачжэньгуань 2005; Юй Уцзинь 2008; Ян Синьли, Тянь Юань 2008; и др.]). Под эти обоснования была «подведена марксистская материалистическая и диалектическая методология» (см.: [Янгутов, Чебунин 2018: 186]). В результате китайская марксистская философия, встав на позиции гуманистических принципов, сделав упор на человеке как субъекте исторического развития общества, в то же время не исключала важность социальных ориентиров и ценностей. Гуманистические принципы, декларируемые марксистской философией, стали весьма созвучными идеям конфуцианства, даосизма и буддизма, интерес к которым пробуждается в современном китайском обществе.

Об этом свидетельствует и тот факт, что возрождение традиционной культуры и системы ценностей объявлено важнейшей задачей КПК [Си Цзиньпин 2019: 10–11]. Среди этих ценностей конфуцианство, буддизм и даосизм занимают ключевые позиции, представляя собой базисный каркас традиционного мировосприятия.

Признавая идеологический приоритет марксистской философии, КПК придает большое значение и ценностям традиционной культуры. В докладе Синь Цзипина на XIX съезде было сказано: «Культура — это душа страны и нации. Расцвет культуры означает процветание страны, а сила культу-

ры — силу нации. Без твердой уверенности в собственной культуре, без расцвета и процветания культуры не может быть и речи о великом возрождении китайской нации. В целях построения социалистической культурной державы необходимо твердо идти по пути развития социалистической культуры с китайской спецификой, пробуждать в сфере культуры инновационную и творческую энергию всей нации. Истоком и источником социалистической культуры с китайской спецификой является выдающаяся традиционная культура Китая, сформировавшаяся в течение более чем пяти тысячелетней истории китайской цивилизации [Си Цзиньпин 2017].

Сегодня идеи конфуцианства, даосизма и буддизма привлекают внимание в контексте не только исследовательского интереса к традиционной культуре, но и современных социокультурных и политических реалий. Как отметил Си Цзиньпин: «Она (традиционная культура. — Л. Я.) вплавлена в революционную и передовую социалистическую культуру, созданную китайским народом под руководством партии в ходе революции, строительства и реформ, укоренилась в великой практике социализма с китайской спецификой» [Си Цзиньпин 2017].

В русле развития гуманистических идей конфуцианство, даосизм и буддизм были подвергнуты модернизации. В результате модернизации были сформированы такие течения, как «новое конфуцианство», «обновленчество буддизма», «неодаосизм», идеи которых оказались во многом созвучными идеям партии о «гармоничном мире» и «китайской мечте». Суть этой модернизации составляет, как и в марксизме, акцент внимания на гуманистических ценностях, на проблемах человека.

Эти акценты прозвучали в учении Тай Сюя (1889–17.03.1947) о «гуманистическом буддизме», выдвинутом в период обновленческого движения буддизма, набравшего обороты в начале двадцатого столетия. Суть гуманистического буддизма составляет, во-первых, отказ от надежды на улучшение своей жизни в будущем перерождении. Улучшить, по мнению Тай Сюя, необходимо в этой, настоящей, жизни. Поэтому он призывает людей не отрекаться от семейных ценностей, не покидать свои дома и уходить в монашество. Во-вторых, призыв

к активной гражданской позиции. Последователи буддизма не должны замыкаться в себе, заботясь об улучшении своей кармы. Они должны участвовать в общественной жизни и в политической деятельности. Они должны служить обществу и государству. Свое учение он называл «буддизмом человеческой жизни» («жэньшэн фоцзяо, 人生教») и «буддизмом среди людей» или «буддизмом в человеческом обществе» («жэньцзянь фоцзяо, 人间教»)¹.

Созвучной целям китайских коммунистов построить «сообщества единой судьбы человечества» и «единого многополярного мира» стала изначальная толерантность буддизма, которая определяла внутреннее содержание его философских и религиозных принципов, а также внешнее лицо его политической и социальной практики. Его шествие за пределами исторической родины Индии всегда было мирным. Философское содержание буддийских текстов исключало антагонизм и борьбу между противоположностями. Этот момент был усилен в школах китайского буддизма, поскольку он оказался созвучным идеям традиционной китайской философии, где две противоположности инь (阴) и ян (阳), определяющие развитие всего сущего, не находятся в состоянии антагонизма друг с другом. Они не борются, а взаимодействуют. Школы китайского буддизма выдвинули концепцию, отрицающую наличие противоположностей, объявив, что все сущее непротиворечиво, едино и гармонично. Эта идея стала не только парадигмой философского учения школ китайского буддизма, но и определяющим ориентиром социальной установки их последователей.

Взаимоотношения буддизма с китайской компартией с момента ее прихода к власти в 1949 г. строились на обоюдной дружественной основе. Новая власть объявила о свободе совести, а буддисты «присягнули» на верность этой власти. В Уставе созданной в 1952 г. Буддийской ассоциации Китая (БАК) было сказано о деятельности ассоциации под руководством КПК. О тесном сотрудничестве Буддийской ассоциации с властью, возглавляемой коммунистами, говорит тот факт, что лидер ассоциации Чжао Пучу одновременно совмещал обязанности

председателя ассоциации с обязанностями заместителя председателя Народного политического консультативного совета Китая [Горбунова 2013: 399–405].

Сотрудничество Буддийской ассоциации и коммунистической власти Китая было омрачено лишь годами «культурной революции», когда не только буддизм, но и другие религиозные верования подверглись гонениям. Были распущены все религиозные организации.

Период «реформ и открытости» ознаменовался возобновлением деятельности Буддийской ассоциации. Партия отнеслась со всем вниманием к деятельности буддистов, буддисты же выразили готовность поддержать политические и социальные инициативы партии. Вновь восстановлено было сотрудничество Буддийской ассоциации с партийными органами. Вновь был принят Устав ассоциации, в котором выражалась поддержка линии партии. Кроме того, в контексте концепции «гуманистического буддизма» о «буддизме среди людей» или «буддизме в человеческом обществе» («жэньцзянь фоцзяо, 人间教») в Уставе было прописано положение о широком участии последователей буддизма в различных сферах общественной жизни, в патриотическом воспитании молодежи. Иными словами, ассоциация призывала своих последователей принять активное участие в инициативах коммунистической партии, направленных на реализацию линии партии в социальной и политической сферах. Кроме того, в Уставе говорилось о необходимости развивать дружественные связи с буддистами других стран, способствовать укреплению культурного обмена между странами. Эти инициативы стали весьма созвучными политике партии, направленной на построение «гармоничного» общества». В Уставе также подчеркивалась необходимость «помогать правительству в воплощении политики свободы вероисповедания, участвовать в социалистическом строительстве» [Наруслаева 2018: 251].

Компартия, полностью поддержав инициативы Буддийской ассоциации, требовала от буддистов и других религиозных организаций признания своего политического лидерства, способствования строительству социалистического государства. При этом она оставляла за собой прерогативу решать

¹ Подробно о «гуманистическом буддизме» см.: [Наруслаева 2015а; Наруслаева 2015б].

вопрос о легитимности или же нелегитимности той или иной религиозной организации (см.: [Нагуслева 2018: 252]). Отношения коммунистической партии и Буддийской ассоциации строились на основе религиозной политики КНР. «К концу второй четверти XXI века религиозная политика КНР прошла несколько этапов своего развития: период реформ и установления контроля над религиозной деятельностью 50–60-х гг., запрет на религиозную деятельность в период «культурной революции», реформирование внутривластного курса в сфере религии 80-х гг., формирование прагматичного подхода к феномену религии, смена тезиса об «отмирании религии» на теорию «соответствия религии социалистическому строительству» в 90-х гг. Религиозная политика действующей администрации отличается стремлением Си Цзиньпина к борьбе с угрозами экстремизма, терроризма и сепаратизма, выделением «традиционно китайских» религий, подчеркивание значимости их роли в формировании культуры Поднебесной, обогащении системы регулирования религиозной деятельности, усилением контроля над религиозной сферой» [Нагуслева 2018: 259].

Важнейшее место в этой политике занимает вопрос урегулирования отношений между религиозными организациями и компартией. С одной стороны, закреплялся приоритет партии над религиозными организациями, с другой стороны, утверждалась важность религиозных организаций в претворении в жизнь социальной и политической стратегии партии, её деятельность в воспитании верующих в духе идеалов социализма с китайской спецификой.

В русле решения этого вопроса «в основу курса религиозной политики КНР 1980-х гг. лег документ № 19 ЦК КПК „Основная позиция и политика по вопросам религии во время социалистического периода нашей страны“ от 31 марта 1982 года, регламентировавший характер взаимоотношений верующих и религиозных организаций с властью, закреплявший статус религиозных организаций как посредников между партийным руководством страны и верующими» [MacInnis 1989: 356; Нагуслева 2018: 251–252].

Буддийская ассоциация в полной мере подтвердила свой статус посредника между

верующими и партийным руководством, горячо поддержав курс партии в условиях рыночной экономики, о чем было объявлено председателем БАК Чжао Пучу в 1993 г. на шестой Всекитайской конференции ассоциации [Нагуслева 2018: 252].

Особая роль в контексте реализации «Китайской мечты» придается партией традиционным китайским учениям в проведении политики «мягкой силы» («жуаньшли, 软势力»). Впервые сформулированная американским ученым Джозефом Найем [Nye 1990; Nye 2004] концепция «мягкой силы» ('soft power') приобрела огромную популярность в Китае. Это во многом объясняется следующим: несмотря на то, что эта концепция была сформулирована американским ученым, для Китая она была нова. Основные принципы этой концепции были разработаны еще в её древней философии и составили необходимый компонент социокультурной традиции этой страны. Особую значимость они приобрели в стратемином принципе мышления, получившем отражение в древнем трактате «Сунь-цзы» («孫子»).

Стратегия «мягкой силы», составившая важнейший компонент внешнеполитической ориентации Китая, вполне соответствует идее создания «сообщества единой судьбы человечества» и построения «единого многополярного мира». По словам Си Цзиньпина, «значительно выросли воздействие „мягкой силы“ Китая и влияние китайской культуры, прочнее стали идейная сплоченность и единство партии и общества» [Си Цзиньпин 2017].

В этой стратегии большое внимание уделяется принципам гуманизма, что отвечает духу китаизированного марксизма и модернизированных конфуцианства, даосизма и буддизма. Важное место в этой стратегии занимает миролюбивая внешняя политика, способная устанавливать взаимовыгодное сотрудничество со всеми странами, которая предпочитает «силу дипломатии» «силе давления». Большую значимость здесь приобретают богатые духовные традиции, составляющие «силу китайской культуры», способной создать привлекательный имидж Китая по созданию благоприятной обстановки для взаимовыгодного партнерства с другими странами во имя совместного процветания [Си Цзиньпин 2017: раздел XII].

Сегодня в Китае активно обсуждается концепция «мягкой силы». Во-первых, анализируются западноевропейские работы, посвященные этой теме, во-вторых, исследуются истоки учения о «мягкой силе» в собственной культурной традиции и, наконец, разрабатывается собственное понимание «мягкой силы»².

Здесь ключевыми выступают такие понятия, как «всестороннее гармоничное развитие»; «привлекательность китайского имиджа»; «миролюбивая внешняя политика»; «сила культуры»; «сила политики»; «сила общества»; «сила дипломатии»; «сила экономики»; «жесткая сила» [Янгутов, Чебунин 2018: 187].

Широкое использование буддизма в международной сфере в контексте проведения китайским правительством «мягкой силы» объясняется тем, что идеи буддизма оказались весьма созвучными принципам «мягкой силы». Его идея единства тождества и гармонии всего сущего, пронизывающая философско-сотериологическое содержание буддийского учения, утверждала принцип «не навреди окружающему», обусловив принципы отношения человека к человеку, человека к окружающему его миру, основанные на гуманизме толерантности.

Как оказалось, эти принципы составили огромный потенциал буддизма как фактора взаимоотношения не только между людьми, но и странами. Этот потенциал сумели рассмотреть в прошлом правители императорского Китая, широко использовавшие свои духовные традиции для оказания своего влияния на соседние государства. В буддизме правители прошлого увидели наиболее действенное средство выстраивания культурного моста между соседними государствами, который позволял им достигнуть выгодные для себя результаты [Кычанов 1968: 286–287; Мартынов 1974: 178; Янгутов, Халтаева 2016: 124–125].

При этом Китай оказывал культурное влияние на соседние страны, что оказывало на них «мягкое» воздействие, которое, в конечном итоге, привело к тому, что китайские традиционные учения — конфуцианство, даосизм и адаптированный на китайской почве буддизм имели такую же популярность в этих странах.

² Подробно о «мягкой силе» в современном Китае см.: [Тарабарко 2017].

Особую значимость буддизм, как фактор дипломатии, имел в отношениях Китая с соседними странами — Японией, Кореей, Тибетом, Вьетнамом. Использование буддизма как средства миролюбивой политики давало возможности Китаю в течение длительного времени мирно сосуществовать с этими странами.

Компартия Китая, учитывая опыт прошлых правителей, стала широко использовать буддизм в своей внешней политике. Проводником этой политики с использованием буддийского потенциала стала Буддийская ассоциация. При этом Ассоциация не выступает здесь как пассивное орудие дипломатии, она активно предлагает свои услуги в международных делах правительства. В уставе Буддийской Ассоциации Китая было указано, что одной из её задач является укрепление связей между буддистами других стран [Устав БАК 2015: ст. 10].

В соответствии с этими задачами китайские буддисты активно участвуют в международных мероприятиях, пропагандируя китайские ценности, способствуя политическому курсу правительства Китая на построение гармоничного мира. При этом свою международную деятельность китайские буддисты проводят под непосредственным контролем партии и при её поддержке.

Выводы

Буддизм, проникший в Китай на рубеже нашей эры в страну, которая не знала и не признавала чужеземного влияния, встретив там огромные трудности и ярых противников со стороны местных учений, тем не менее сумел не только адаптироваться к местной культурной традиции, но и стать её необходимой составной частью. И сегодня буддизм, наряду с конфуцианством и даосизмом, сумел приспособиться к новым веяниям времени, независимо от меняющихся политических систем этой страны. При этом буддизм сумел стать необходимой составной частью культурных, социальных установок её руководящей партии и правительства, не теряя своих глубинных принципов единства, гармонии тождества, определяющих его философско-мировоззренческие основы, религиозную, социальную и политическую практику.

Литература

- Афонина, Петровский 2015 — *Афонина Л. А., Петровский Д. И.* Органы государственного-партийного регулирования религиозной сферы в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 1. С. 135–144.
- Горбунова 2013 — *Горбунова С. А.* Роль Чжао Пучу в истории китайского буддизма XX в. // Общество и государство в Китае. Матлы XLIII Всерос. науч. конф. (г. Москва, 25–27 марта 2013 г.) / ред. А. И. Кобзев. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 399–405.
- Кузнецов 2006а — *Кузнецов В. С.* Буддийский фактор во внешней политике КНР. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2006. 379 с.
- Кузнецов 2006б — *Кузнецов В. С.* Буддизм с коммунистическим лицом // Азия и Африка сегодня. 2006. № 4. С. 25–29.
- Кычанов 1968 — *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М.: Наука, 1968. 361 с.
- Мартынов 1974 — *Мартынов А. С.* Конфуцианство, буддизм и двор в эпоху Мин // История и культура Китая. М.: Вост. лит., 1974. 480 с.
- Нагуслаева 2018 — *Нагуслаева Е. А.* Буддизм и власть Китая в имперскую, республиканскую, коммунистическую эпохи // Буддизм в социокультурных и политических процессах России, Внутренней и Восточной Азии: сравнительный контекст / ред. Л. Е. Янгутов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. С. 239–262.
- Нагуслаева 2015а — *Нагуслаева Е. А.* Обновленческое движение буддизма в Китае на рубеже XIX–XX веков // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2015. № 39(54). С. 103–106.
- Нагуслаева 2015б — *Нагуслаева Е. А.* Тай Сюй и его гуманистский буддизм // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 6А. С. 33–37.
- Тарабарко 2017 — *Тарабарко К. А.* Мягкая сила культуры Китая: концептуальное содержание и практики реализации: дисс ... канд. филос. наук. Чита, 2017. 216 с.
- Янгутов, Халтаева 2016 — *Янгутов Л. Е., Халтаева О. Р.* Религиозные верования в политической культуре императорского Китая. Улан-Удэ: Изд. Бурят. гос. ун-та. 2016. 156 с.
- Янгутов, Чебунин 2018 — *Янгутов Л. Е., Чебунин А. В.* Современная философская и общественно-политическая мысль Китая // Вопросы философии. 2018. № 8. С. 82–191.
- Фу Чжипин 2005 — *Фу Чжипин 傅治平.* Хэсе шэхуэй даолунь (= Введение в теорию гармоничного общества). Пекин: Жэньминь чубаньшэ (= Народное издательство), 2005. 333 с.
- Юй Уцзинь 2008 — *Юй Уцзинь 俞吾金.* Кэсюе фачжаньгуань (= Концепция научного развития). Чунцин: Чунцин чубаньшэ (= Издательство г. Чунцин), 2008. 141 с.
- Ян Синьли, Тянь Юань 2008 — *Ян Синьли 杨信礼, Тянь Юань 田园.* Кэсюе фачжаньгуань (= Концепция научного развития). Пекин: Жэньминь чубаньшэ (= Народное издательство), 2008. 122 с.
- Кэсюе фачжаньгуань 2005 — *Кэсюе фачжаньгуань (= Концепция научного развития) / под ред. Ма Кая 马凯.* Пекин: Жэньминь чубаньшэ (= Народное издательство), 2006. 249 с.
- Макэсы чжуи 2013 — *Макэсы чжуи чжэсюэ ши цзян (Дан-юань ганьбу дубэнь) (= Объяснение марксистской философии. Книга для чтения кадровых партийных работников).* Пекин: Дан цзянь ду-у чубаньшэ (= Издательство партийной литературы), 2013. 178 с.
- Шаосинь, Сяюнь 2003 — *Ван Шаосинь, Цзян Сяюнь.* Социализм с китайским лицом [электронный ресурс] // Обозреватель – Observer. Научно-аналитический журнал. 2003. № 11(166). URL: http://observer.materik.ru/observer/N11_2003/11_12.htm (дата обращения: 01.12.2019).
- Си Цзиньпин 2019 — *Си Цзиньпин 习近平.* 习近平新时代中国特色社会主义思想学习纲要 (= Учебные тезисы идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху) / 中共中央宣传部编. – 北京: 学习出版社: 人民出版社, 2019 (= Отдел пропаганды КПК. Пекин: Жэньминь чубаньшэ (= Народное издательство), 2019. 260 с.
- Си Цзиньпин 2017 — *Си Цзиньпин 习近平.* Цзай чжунго гунчан дан ди шицзю цюань го дайбяо да хуй шан де баогао. (习近平在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告) (= Доклад Си Цзиньпина на 19-м Всекитайском съезде КПК) [электронный ресурс] // Информационный ресурс «Жэньминь Жибао онлайн». URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660-15.html> (дата обращения: 12.12.2019).
- Устав БАК 2015 — *Чжунго фоцзяо сехуй чжанчен.* 2015.4.21 Чжунго фоцзяо сехуй ди цзю цы цюань го дайбяо хуйи тунго) 中国佛教协会章程 (2015年4月21日中国佛教协会第九次全国代表会议通过) (= Устав Китайской буддийской ассоциации) [электронный ресурс] // Принято 21 апреля 2015 г. на 9-й Национальной конференции представителей китайской буддийской ассоциации.

- URL: <http://www.chinabuddhism.com.cn/djc/xdzc/2015-04-27/8701.html> (дата обращения: 11.12.2019).
- Angelskår 2013 — *Angelskår T.* China's Buddhism diplomacy [электронный ресурс] // The Norwegian Peacebuilding Resource Centre (Report). March 2013. URL: <https://studyres.com/doc/5485787/china-s-buddhist-diplomacy#> (дата обращения: 01.11.2019).
- Bell 2016 — *Bell A. S.* Revisionist Religion Xi Jinping's Suppression of Christianity and Elevation of Traditional Culture as Part of a Revisionist Power Agenda // *Georgetown Journal of Asian Affairs*. 2016. № 3. Pp. 67–93.
- Hunter 1992 — *Hunter A.* Buddhism under Deng. Department of East Asian Studies. Leeds: University of Leeds, 1992. 25 p.
- Ji Zhe 2013 — *Ji Zhe.* Zhao Puchu and His Renjian Buddhism // *The Eastern Buddhist*. Vol. 44. № 2. Kyoto: Otani University, 2013. Pp. 35–58.
- Lambert 2001 — *Lambert T.* The Present Religious Policy of the Chinese Communist Party // *Religion, State & Society*. 2001. Vol. 29. № 2. Pp. 121–129.
- MacInnis 1989 — *Donald E. MacInnis.* Religion in China Today: Policy and Practice. New York: Orbis Books, 1989. 458 p.
- Nye 1990 — *Joseph S. Nye.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990. 336 p.
- Nye 2004 — *Joseph S. Nye.* Soft power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 192 p.
- Welch 1972 — *Welch H.* Buddhism under Mao. Cambridge: Harvard University Press, 1972. 666 p.
- Hunter A. Buddhism under Deng. Department of East Asian Studies. Leeds: University of Leeds, 1992. 25 p. (In Eng.)
- Ji Zhe. Zhao Puchu and his Renjian Buddhism. *The Eastern Buddhist*. Vol. 44. No. 2. Kyoto: Otani University, 2013. Pp. 35–58. (In Eng.)
- Kuznetsov V. S. [Foreign Relations of the PRC: Buddhist Factor]. Moscow: Institute of Far Eastern Studies (RAS), 2006. 379 p. (In Russ.)
- Kuznetsov V. S. Buddhism with a Communist face. *Asia and Africa Today*. 2006. No. 4. Pp. 25–29. (In Russ.)
- Kychanov E. I. [Tangut Empire: Historical Essay]. Moscow: Nauka, 1968. 361 p. (In Russ.)
- Lambert T. The present religious policy of the Chinese Communist Party. *Religion, State & Society*. 2001. Vol. 29. No. 2. Pp. 121–129. (In Eng.)
- MacInnis D. E. Religion in China Today: Policy and Practice. New York: Orbis Books, 1989. 458 p. (In Eng.)
- Martynov A. S. Confucianism, Buddhism, and the court during the Ming era. In: [History and Culture of China]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1974. 480 p. (In Russ.)
- Naguslaeva E. A. China's Renovationalist Buddhist movement at the turn of the 20th century. *The Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2015. No. 39 (54). Pp. 103–106. (In Russ.)
- Naguslaeva E. A. Imperial, republican, and Communist China: Buddhism and authorities. In: [Russia, Inner and East Asia: Buddhism in Sociocultural and Political Processes. Comparative Contexts]. L. E. Yangutov (ed.).

References

- [Marxist Philosophy Explained: Reader for (Communist) Party Cadres]. Beijing: Party Literature Publ., 2013. (In Chin.)
- [Scientific Development Concept]. Ma Kai (ed.). Beijing: People's Publ. House, 2005. (In Chin.)
- Afonina L. A., Petrovsky D. I. Regulation of religious sphere in China by state and party institutions. *The Far Eastern Affairs*. 2015. No. 1. Pp. 135–144. (In Russ.)
- Angelskår T. China's Buddhism diplomacy. At: The Norwegian Peacebuilding Resource Centre. March 2013. Available at: <https://studyres.com/doc/5485787/china-s-buddhist-diplomacy#> (accessed: February 1, 2020). (In Eng.)
- Bell A. S. Revisionist religion: Xi Jinping's suppression of Christianity and elevation of traditional culture as part of a revisionist power agenda. *Georgetown Journal of Asian Affairs*. 2016. No. 3. Pp. 67–93. (In Eng.)
- Buddhist Association of China: Charter. Adopted on April 21, 2015 at the 9th National Conference of the Buddhist Association of China. At: Buddhist Association of China (website). Available at: <http://www.chinabuddhism.com.cn/djc/xdzc/2015-04-27/8701.html> (accessed: February 1, 2020). (In Chin.)
- Fu Zhiping. [Introduction to the Theory of Harmonious Society]. Beijing: People's Publ. House, 2005. (In Chin.)
- Gorbunova S. A. Zhao Puchu and his role in 20th-century Chinese Buddhism. In: [China: Society and State]. Conf. proc. (Moscow; March 25–27, 2013). A. I. Kobzev (ed.). Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2013. Pp. 399–405. (In Russ.)

- Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch) of RAS, 2018. Pp. 239–262. (In Russ.)
- Naguslaeva E. A. Tai Hsu's humanistic Buddhism. *Buryat State University Bulletin*. 2015. No. 6A. Pp. 33–37. (In Russ.)
- Nye J. S. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York: Basic Books, 1990. 336 p. (In Eng.)
- Nye J. S. *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004. 192 p. (In Eng.)
- Tarabarko K. A. [Soft Power of China's Culture: Conceptual Essence and Implementation Practices]. Cand. Sc. (philosophy) thesis. Chita, 2017. 216 p. (In Russ.)
- Wang Shao Xin, Jiang Xiao Yun. Socialism with a Chinese face. *Obozrevatel' – Observer*. 2003. No. 11 (166). Available at: http://observer.materik.ru/observer/N11_2003/11_12.htm (accessed: February 1, 2020). (In Russ.)
- Welch N. *Buddhism under Mao*. Cambridge: Harvard University Press, 1972. 666 p. (In Eng.)
- Xi Jinping. [19th National Congress of the Communist Party of China: Report]. At: People's Daily Online (website). Available at: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660-15.html> (accessed: February 1, 2020). (In Chin.)
- Xi Jinping. [Socialism with Chinese Specifics in the New Era: Academic Narratives]. CCPPD. Beijing: People's Publ. House, 2019. (In Chin.)
- Yang Xinli, Tian Yuan. [Scientific Development Concept]. Beijing: People's Publ. House, 2008. (In Chin.)
- Yangutov L. E., Chebunin A. V. Modern philosophical and social-political thought of China. *Voprosy Filosofii (Problems of Philosophy)*. 2018. No. 8. Pp. 82–191. (In Russ.)
- Yangutov L. E., Khaltaeva O. R. [Political Culture of Imperial China: Religious Beliefs]. Ulan-Ude: Buryat State University, 2016. 156 p. (In Russ.)
- Yu Wujin. [Scientific Development Concept]. Chongqing: Chongqing Publ. House, 2008. (In Chin.)

